

ТРИ АВТОГРАФА ДОСТОЕВСКОГО

Сообщение В. Нечаевой

Достоевский не раз пользовался сравнением своей жизни в 60—70-х годах с „каторгой“. Это обычное в повседневном языке метафорическое сравнение наполнялось в речи Достоевского самым реальным содержанием. Беглое сравнение развивалось у него в противопоставление, при чем каторге отдавалось преимущество перед теми тяжелыми условиями жизни, в которые он попадал в эти годы. На каторге было „спокойно“, как он написал однажды.

Основное содержание новой „каторги“—материальная нужда, необходимость насиловать себя как писателя из-за соображений денежного характера, унижительные просьбы о займах, мучительное сознание невыполненных обязательств, постоянная зависимость от кредиторов, вплоть до необходимости скрываться от них и т. д. и т. д.

Эти гнетущие переживания, жертвой которых был Достоевский в 60-х и 70-х годах, нашли яркое отражение в трех дошедших до нас его автографах. Это черновики официальных документов, которые Достоевский написал так, как он обычно писал подобные бумаги: весь трепеща от обид, жалоб, негодования, вкладывая жар личных чувств в канцелярские „отношения“.

Первый автограф—отрывок из длиннейшего объяснения (сохранилась лишь девятая страница, как это видно по нумерации), которое Достоевский предназначал очевидно кредиторам, осаждавшим его после окончания издания „Эпохи“. Взятые им на себя долги по журналу умершего в 1864 г. М. М. Достоевского, еще увеличенные неудачным продолжением издания, положили начало всем тем материальным невзгодам, жертвой которых Достоевский был почти до самых последних лет жизни. Биографический момент этот довольно хорошо освещен в многочисленных письмах Достоевского этого времени. Новый документ еще раз подтверждает тяжелую долю, которая выпала Достоевскому в связи с журнальным наследием его брата. Документ сохранился в архиве Е. М. Достоевской и передан в Музей Достоевского ее наследницей Е. Н. Люба вместе с другими бумагами семьи Достоевских. Среди них сохранился еще один листок-автограф Ф. М. Достоевского, относящийся к этой же поре расчетов при ликвидации „Эпохи“. Достоевский составлял для себя план работы по приведению в порядок запутанных денежных дел и обязательств подписчикам и набросал ряд пунктов, которые требовали выяснения (см. документ 2-й).

Как еще одну иллюстрацию к этому же моменту в биографии Достоевского приведем здесь следующие строки из неопубликованного письма младшего брата писателя Ник. Мих. Достоевского к его сестре Вере Мих. Достоевской-Ивановой в 1865 г. (хранится в Музее Достоевского).

„В семействе покойного брата (т. е. М. М. Достоевского.—В. Н.) бываю раз в месяц. Брата Федора вижу там же. Впрочем, я бываю, когда заведутся копейки 50, тогда, не смотря ни на что, я спешу повидаться с детьми покойного и с братом Федором. Я не видал подобного человека. Брат предался весь семейству, работает по ночам, никогда не ложится спать ранее 5 часов ночи, работает как вол; а днем постоянно сидит и распоряжается в Редакции журнала. Надо пожить и долго пожить, чтобы узнать, что за честнейшая и благороднейшая душа в этом человеке; а вместе с тем я не желал бы быть на его месте, он по моему мнению самый несчастный из смертных. Вся жизнь его так сложилась. Он никогда не пожалуется и не выскажет всего, что у него может быть накипело на сердце; вот почему эти строки и вырвались у меня...“

Последний публикуемый нами автограф относится к 1880 г. и сохранился в архиве писателя, переданном А. Г. Достоевской в Исторический Музей (в настоящее время находится в Рукописном отделении Всесоюзной Публичной Библиотеки им. В. И. Ленина). Это черновик обращения Достоевского к министру внутренних дел с просьбой о снятии с него полицейского надзора. Автор „Бесов“ и „Дневника писателя“ продолжал внушать опасения самодержавному правительству, которое не переставало следить за „политической нравственностью“, как выразился Достоевский, своего апологета. Строки болезненно оскорбленного самолюбия, возмущения вырвались у Достоевского: недоверие власти как бы откликалось на те глухие сомнения, с которыми он вел непрерывную борьбу в течение двух десятилетий, как бы не признавало ценою многих жертв доставшуюся ему „победу“ над Достоевским — социалистом и революционером.

Чужой передовой молодой России, он не стал вполне „своим“ и в лагере ее врагов, несмотря на сделанные усилия доказать ему свою преданность и единомыслие.

О том, что Достоевский находился под полицейским надзором до 1880 г., мы знаем из „Воспоминаний“ А. Г. Достоевской. Она подробно рассказала один эпизод, имевший место в Старой Руссе в апреле 1875 г.

Узнав от старорусского исправника, что Ф. М. Достоевский находится „под секретным надзором“, А. Г. Достоевская сообщила это известие мужу, смеясь над нелепостью этого факта. Однако Достоевский реагировал на известие иначе. „Федор Михайлович принял принесенное мною известие с тяжелым чувством. — Кого-кого они не пропустили из глаз из людей злонамеренных, — сказал он, — а подозревают и наблюдают за мною, человеком, всем сердцем и помыслами преданным и царю и отечеству. Это обидно“. Далее А. Г. Достоевская рассказывает о систематическом перлюстрировании, которому подвергалась корреспонденция ее мужа, и о волнениях Достоевского по этому поводу. Заканчивает рассказ она следующим сообщением: „Сам Федор Михайлович не возбуждал вопроса об освобождении его из-под надзора полиции, тем более, что компетентные лица уверяли, что раз ему дозволено быть редактором и издателем журнала „Дневник писателя“, то нет сомнения, что секретный надзор за его деятельность снят. Но, однако, он продолжался до 1880 г., когда, во время пушкинского празднества, Федору Михайловичу пришлось говорить об этом с каким-то высокопоставленным лицом, по распоряжению которого секретный надзор был снят“ („Воспоминания А. Г. Достоевской“, ГИЗ, 1925, стр. 200).

Публикуемый нами автограф написан может быть именно в связи с упоминаемыми А. Г. Достоевской обстоятельствами 1880 г. Так как Достоевский в автографе говорит о том, что прошло 25 лет с момента возвращения ему гражданских прав, которые ему были возвращены в 1856 г., то дата автографа приходится именно на последний год его жизни (1880—1881).

Слова, зачеркнутые Достоевским в автографах, заключены нами в прямые скобки. Слова, вставленные между строк и вынесенные на поля, внесены нами в текст.

I

и повестки, по 3 копейки за письмо, составляли в год до 300 руб. серебр. По этому примеру можно заключить о том, что стоила самая переписка и канцелярская часть? Все это может быть проверено с строгой очевидностью и подтверждено многими свидетелями. Одним словом мы утвердительно мож[но]ем сказать, что не выставлено в расход более 10.000 рублей, передержанных собственно на один журнал [ибо расходы на содер]. Эт[и деньги мы] сумму я, Федор Достоевский, принужден был перетратить из своих собственных последних средств, ибо хотя я, Федор Дostoёвский, не был ни наследнико[в]м, ни даже [собственником] участником в праве издания журнала; но как брат покойного, видя что семейство его осталось после его смерти в нищете и в долгах и рассчитывая, что поднятием журнала, в случае успеха, можно не только уплатить долги, но даже придать изданию, освобожденному от долгов, даже некоторую ценность [в пользу семейства покойного брата] и я,

побудив вдову покойного, Эмилию Достоевскую, к продолжению издания журнала, естественно должен был взять на себя и весь риск неудачи. А потому истратив 10.000 своих собственных денег, т. е. все что имел я, [и даже продав за бесценок право] [состояния] на журнал, я при ежегодно усиливающейся падачей болезни моей, остаюсь при приближении преклонных лет, безо всяких средств к существованию, кроме тяжелой литературной работы моей. Вдова же покойного находится в совершенной нищете, явной и всем известной и существует только воспоможением Общества литературного Фонда—во уважение литературных заслуг ее покойного мужа. Таким образом, для уплаты остающегося на нас долга, до пятнадцати тысяч рублей,

II

- 1) Определить количество долга, оставшегося по векселям по смерти брата и по другим обязательствам.
- 2) Какое после брата осталось имущество?
- 3) Какое количество книг должно было добавить до 65 года?
- 4) Сколько дополучили за эти книги в 64 году?
- 5) Сколько получили с подписки за 65 г.?
- 6) Во что обошлась средним числом каждая книга?
- 7) Количество в настоящее время моего долга?
- 8) Количество подписчиков в 64 и 65-м году?

III

ЕГО ВЫСОКО... Г-Н. . . . М. . . . ВН. . . . ДЕЛ
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОТСТАВНОГО ПОДПОРУЧИКА
ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Всемиловитвейшим производством меня в прапорщики в 1856 году из [рядовых] унтер-офицеров 7-го Сибирского линейного батальона, в который вступил я [из] по отбытии четырехлетних каторжных [гражданских] работ 2-го разряда в Омской крепости, мне были возвращены все мои гражданские права, утраченные мною за участие в деле о преступной пропаганде в 1849 году в Петербурге. На паспорте моем, выданном мне при отставке [из] 30 июня 1859 года в городе Семипалатинске, не значится, чтобы я был под присмотром полиции, тем не менее присмотр сей продолжается, как то мне [б] н. пр. было сообщ[ено]аемо [бывшим С.-Петербургским Генерал Губернатором, князем Суворовым в пере] в 3-ьем Отделении Собственной Его Величества канцелярии [куда], в которую я, отправляясь за границу, всегда должен был обращаться с особою просьбой, и наконец еще в 1875 году, когда я проживая зиму 1874—1875 годов в г. Старой Руссе узнал от самого Старорусского исправника, что состою у него под надзором.

Со времени моего помилования и возвращения мне гражданских прав протекло 25 лет. На сотнях страниц выска[зывал]зал я и высказываю свои убеждения и политические и религиозные. Убеждения эти, я надеюсь, таковы, что не могут подать повода [в том] к тому, чтобы заподозрить мою политическую нравственность, по этому я и позволяю себе просить, дабы полицейский надзор за мною был прекращен.